

ББК 82.3
УДК 398

Е. В. БИТЕРЯКОВА
(Москва)

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ ПРОКУНИН: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

(К 165-летию со дня рождения)

Аннотация. Имя В. П. Прокунина в наши дни малоизвестно. Однако в конце XIX в. он был признан выдающимся фольклористом, композитором, пианистом, педагогом. В статье впервые предпринята попытка создания его подробной биографии на основе архивных материалов и публикаций 1870—1900-х годов.

Ключевые слова: Прокунин, Чайковский, фольклорист, песенные сборники.

Имя В. П. Прокунина (1848—1910) в наши дни известно лишь узкому кругу специалистов, занимающихся историей фольклористики и фольклором. Но и для них оно — не более чем фамилия одного из соавторов сборника народных песен, изданного в 1889 г. и обозначаемого для краткости привычной формулой «Лопатин — Прокунин».

Между тем Прокунин был интересной, многосторонне одаренной личностью, снискавшей известность и уважение в музыкальных кругах Москвы в последней трети XIX столетия. Один из выдающихся выпускников Московской консерватории, ученик Чайковского и Рубинштейна, он проявил себя не только как крупнейший фольклорист-собирающий и исследователь народной песни (издавший два замечательных сборника — один под редакцией П. И. Чайковского,

а второй — совместно с Н. М. Лопатиным), но и талантливый композитор (автор ряда романсов), пианист и превосходный педагог, воспитавший ряд великолепных учеников (среди которых — С. Л. Толстой и А. Б. Гольденвейзер). В сферу интересов В. П. Прокунина входили также астрономия, ботаника, история, литература, живопись, иностранные языки¹.

Удивительно, но имя В. П. Прокунина практически не встречается в справочниках, словарях или энциклопедиях². Среди немногочисленных обнаруженных источников биографических

¹ Одним из увлечений Прокунина было коллекционирование бабочек. Об этом сообщает его племянница, Г. А. Прокунина: «В. П. был страстным любителем бабочек. Он обработал огромную коллекцию бабочек Московской, Тамбовской и Воронежской губерний. Один вид бабочки был им впервые открыт. Лондонский национальный музей предлагал ему за его коллекцию 23000 руб., но В. П. отказался, собираясь передать ее в Московский университет, что и было сделано после его смерти» ([Смирнов 2012, 134—136], цит. по рукописи из архива ВМОМК). В Зоологическом музее МГУ в Москве действительно находится эта коллекция, зарегистрированная под названием «Коллекция Н. Прокунина по чешуекрылым Воронежской губ. 1891—1897 гг.». По словам А. В. Свиридова, старшего научного сотрудника Зоологического музея МГУ, коллекция в хорошей сохранности, она невелика, но целостна. Кроме коллекционирования бабочек, Прокунин «имел обширные познания в астрономии, превосходно знал карту неба. Много читал по физиологии, ботанике, истории, литературе. Знал шесть языков. Довольно хорошо рисовал» [Прокунина].

² Исключение составляют краткие, буквально в несколько строк, статьи в первых двух изданиях БСЭ, а также в Музыкальной энциклопедии [Силенок 1978] и Музыкальном энциклопедическом словаре [МЭС 1990, 442].

сведений о музыканте — краткая биография, написанная его племянницей, Г. А. Прокуниной (из архива ВМОМК), статья С. Л. Толстого, опубликованная в 1926 г. (основанная главным образом на устных воспоминаниях дочери Прокунина, Л. В. Прокуниной³), а также воспоминания Н. В. Давыдова и А. Б. Гольденвейзера. Кроме названных материалов учтены также документы из архивов РГАЛИ, ГДМЧ, НИОР РГБ, публикации в российских журналах и газетах 1870—1900-х годов (рецензии, некрологи) и современные издания, посвященные тамбовской и воронежской музыкальной жизни, в которых также встречается имя В. П. Прокунина. Тем не менее, в его биографии остается немало «белых пятен», поскольку многие сведения не подтверждены документально. В частности, неизвестно место захоронения музыканта. Остается надеяться на прояснение в перспективе отдельных биографических фактов и обретение музыкальных рукописей В. П. Прокунина, что позволит вписать еще один фрагмент в многосоставную панораму истории русской музыкальной культуры последней трети XIX столетия.

Семья. Василий Павлович Прокунин родился 16 (28) января 1848 г. в с. Сосновка Моршанского уезда Тамбовской губ. Некоторые сведения о семье Прокуниных сообщает племянница композитора, Г. А. Прокунина: «Его прадед, Василий Васильевич Прокунин, изучал в Германии и Швеции минералогию, химию и горное дело. Возвратившись на родину, он работал по рудному делу на Урале, и затем основал в Сосновке чуть ли не первый в России химический завод по выделке серной кислоты. Дед и отец В. П. продолжали это дело. Кроме того, отец В. П., Павел Диомидович, получивший высшее образование, после “реформы” 1861 г. занимал должность мирового посредника. Тетка В. П. со стороны отца, в замужестве Граверт, была пианисткой, а дочь ее, Анна Федоровна, по мужу Лавдовская, уже в советское время числилась профессором Тамбовской консерватории. Мать В. П., Юлия Павловна, была урожден-

³ Нами учтена также и более полная, черновая версия статьи С. Л. Толстого, хранящаяся в архиве ВМОМК [Толстой].

ная княжна Голицына. Отец ее, Павел Сергеевич Голицын, ученик баснописца Крылова, страстно любил музыку, играл на скрипке» [Прокунина].

О гостеприимном доме П. Д. Прокунина в Сосновке тепло вспоминает Н. В. Давыдов⁴: «Из соседей упомяну о семье Прокуниных. Семья эта состояла из Павла Диомидовича, Юлии Павловны и четырех сыновей⁵, из которых старший, Вася, был в детстве моим ближайшим товарищем и в течение нескольких лет жил у нас в Москве и Спасском.

Павел Диомидович был сын купца, владевшего расположенным при соседнем большом селе Сосновке купоросным заводом. Большая часть крестьянского населения села составляла собственность князей Голицыных, проживавших тут же на своей усадьбе. Павел Диомидович, умный, энергичный человек, был в молодости очень красив и обаятелен, а потому неудивительно, что когда он, по окончании курса в Московской коммерческой академии

⁴ Николай Васильевич Давыдов (1848—1920) — известный адвокат и мемуарист, профессор Московского университета.

⁵ Как сообщает С. Л. Толстой, у Василия Павловича «было три брата: Павел Павлович, присяжный поверенный, проживший бурную жизнь (так, например, он был президентом знаменитой желтухинской республики), Александр Павлович — хирург и Михаил Павлович — техник» [Толстой].

(что и теперь на Остоженке), вернулся домой и поселился на заводе, вступив в управление им, причем ему приходилось по делам, да и просто по соседству, бывать у князей Голицыных, на их роскошной усадьбе, что одна из княжон, милая, сердечная девушка, всей своей следовавшей жизнью доказавшая беспредельную доброту свою и вообще высокие моральные качества, заметив явную влюбленность в нее молодого заводчика, тоже не осталась к нему равнодушной. Между ними возник роман, обставленный всей прелестью старинных классических романов, — таинственностью, редкими свиданиями, робостью обоих сторон перед старшими и даже друг перед другом, запретностью их чувства в виду неравенства положения молодых людей, в те времена составлявшего почти непреодолимое препятствие к благополучному окончанию романа. Но чувство искренней любви — большая сила, что и сказалось в данном случае. В конце концов, роман завершился счастливо; после долгих, конечно, отказов, запретов и колебаний, старуха княгиня согласилась на брак ее дочери с купцом, и роман окончился отпраздновавшей на заводской усадьбе веселой свадьбой.

Кажется, на согласие княгини выдать дочь замуж за купца повлиял совет моего отца не мешать счастью молодых людей, в виду несомненности и серьезности взаимного их чувства. Понятно, что поэтому отец был на свадьбе в качестве особенно почетного гостя. Это обстоятельство поставило было его на некоторое время в очень стеснительное положение. Свадьба происходила летом, днем, и настолько торжественно, что был выписан из губернского города оркестр музыки. Этому оркестру стариком Прокуниным, отцом новобрачного, было приказано в знак особого внимания к отцу, повсюду за ним следовать и по возможности непрестанно улаживать его слух музыкой» [Давыдов 1913, 227—228].

С особым упоением повествует Н. В. Давыдов о чудесной летней поре в Спасском, на красивейшей реке Цне, где друзья вместе провели детство: «Особенно хорошо жилось летом мне и товарищу моему Васе Прокунину, вос-

питывающемуся у нас до четырнадцатилетнего возраста. Я не сомневаюсь в том, что это было самое счастливое (сознательно-счастливое!) время нашей жизни. Наскоро проглотив утренний чай, при котором мы должны были обязательно присутствовать, мы отправлялись с Васей или на мельницу, или просто на реку ловить рыбу, или раков, а позднее, после завтрака, к которому мы являлись аккуратно, в лес пешком или на лодке-челночке» [Там же, 221—222].

Автор мемуаров сообщает и о первых серьезных художественных увлечениях, а именно об интересе друзей к музыке и театру. В московском доме Давыдовых они устраивали концерты и настоящие театральные постановки, с музыкой и декорациями: «Что особенно увлекало нас (меня, Васю Прокунина и Сашу Данзаса), это был театр, стремлению к которому у нас не было границ. <...> У нас был сработанный дома, при помощи столяра, небольшой театр с разными приспособлениями для провалов, исчезновений и т. п. Декорации рисовал (и очень недурно) Вася Прокунин <...>, а музыку для увертюры и музыкальных выступлений сочинял тоже Вася» [Давыдов 1917, 46]. «Расположение к музыке Васи повело к тому, что это искусство стало впоследствии главным делом его жизни» [Давыдов 1913, 229].

Уже начав учиться в Московской консерватории, Прокунин жил в московском доме Давыдовых [Казьмина 2006, 47], и дружба его с Николаем Васильевичем продолжалась долгие годы. После смерти композитора Давыдов писал: «Его уже нет больше в живых, и тем увереннее скажу, вспоминая друга детства, что редко кто в наше время сумел так сохранить до конца жизни нравственную чистоту и доверчиво-детскую, незапятнанную душу» [Давыдов 1913, 229].

Годы учебы. Первоначальное образование Прокунин получил дома. Его первым учителем музыки был Теодор Граверт. В возрасте пяти (по словам Давыдова, по другим сведениям — шести и семи) лет мальчик уже участвовал в концерте в г. Моршанске в пользу раненых под Севастополем.

С. Л. Толстой пишет: «Когда Василий Павлович был еще ребенком, отец

его разорился. Поэтому средства Василия Павловича, так же, как и его братьев, были весьма ограничены, и ему пришлось всю жизнь зарабатывать свой хлеб» [Толстой 1926, 71].

По сведениям Г. А. Прокуниной, в 1861 г. Прокунин «переезжает в Москву⁶ и поступает в известный частный пансион Циммермана (бывш. Эннеса). Одновременно берет уроки музыки у А. И. Виллуана, потом у Л. Онорэ⁷. В 1866 г. оканчивает пансион и поступает на юридический факультет Московского университета».

Несколько иначе события начала московского периода жизни Прокунина изложены А. Б. Гольденвейзером: «Переселившись в 1861 г. в Москву, В. П. брал уроки сперва у Виллуана (учителя братьев Рубинштейн), а потом у Онорэ. Впрочем, систематические занятия музыкой были вскоре прерваны ненадолго, так как В. П. сначала вновь уехал в деревню, а позже хотя и вернулся в Москву, но поступил в пансион Циммермана, где получил среднее образование, а по окончании пансиона — на юридический факультет Московского университета» [Гольденвейзер 1910].

Вскоре после смерти отца, в 1869 г., Прокунин бросает университет и предположительно в 1870 г. [Рабинович 2003, 72] поступает в Московскую консерваторию⁸, где учится по классу фортепианной игры у Н. Г. Рубинштейна и Н. С. Зверева, по теории и композиции у П. И. Чайковского и Н. А. Губерта. Гольденвейзер сообщает, что Прокунин поступил в консерваторию в 1871 г. по совету Н. Г. Рубинштейна, с которым встречался у общих знакомых [Гольденвейзер 1910].

В 1871 г. издаются его первые сочинения — романсы «Среди долины ров-

⁶ Среди московских адресов, связанных с именем Прокунина, называют Серебряный переулок, дом 8 (не сохранился), Сивцев Вражек, Чернышевский (ныне Вознесенский) пер., дом Давыдовых (?) в Москве.

⁷ Леон Онорэ (1818—1874) — пианист, педагог. Окончил Парижскую консерваторию, в 1830-е гг. концертировал в Париже, потом обосновался в Москве, посвятив себя преимущественно педагогической деятельности.

⁸ К сожалению, никаких сведений о В. П. Прокуanine в архиве Московской консерватории не сохранилось.

ных», «Лес», «Бегство», «Светит солнышко», «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (посв. Ф. И. Шаляпину), «Звезды блещут словно очи», «Ночной зефир струит эфир» и др.

С. Л. Толстой, ученик Прокунина, знавший его на протяжении многих лет, дает произведениям педагога следующую характеристику: «В этих романах чувствуется талантливость и художественный вкус автора, хотя они написаны в несколько устаревшем стиле; иногда слышится влияние варламовской школы. Но надо помнить, что тогда Прокунину было только 23 года от роду. Из его романсов наиболее интересны “Лес” и песенка “В поле ветер”» [Толстой 1926, 72].

А вот как оценивает опусы Прокунина один из его современников: «Возьмите, например, его “Лес” или романс “Ночной зефир струит эфир”. Мыслима ли другая музыка к этим словам, более подходящая? Не слышится ли с первых аккордов шелест листьев, переходящий в громкий ропот, когда буря охватывает лес, и не серебрятся ли пред слушателем струи Гвадалквивира, когда звучит музыка Прокунина? Крупный художественный талант, повторяем, чувствуется во всех произведениях его, и крайне желательно, чтобы всё, написанное или даже только набросанное им на бумаге, было бы сохранено...» [А. С. 1910].

К сожалению, судьба распорядилась иначе. Хотя Прокунин (по сведениям Г. А. Прокуниной) продолжал сочинять вплоть до 1902 г., мало что из его произведений сохранилось, а «романсы и песни, подготовленные им к печати, были утеряны им (забыты в поезде в 1907 году)» [Прокунина]. В библиотеке Московской консерватории сохранилось лишь два из опубликованных романсов — «Не шуми ты, рожь» (сл. А. Кольцова) и «Выхожу один я на дорогу» (сл. М. Лермонтова). Одна рукопись находится в РГАЛИ — романс «Парус» (сл. М. Лермонтова) [РГАЛИ. Ф. 1980. Оп. 1. Ед. хр. 20]. На титуле надпись рукой Прокунина: «*Сей романс уступаю в собственность Федору Александровичу Рот. В. П. Прокунин. Музыку посвящает Софии Сергеевне Озеровой В. Прокунин*». И ниже приписка: «*Посвящение prima-маю. С. Озерова*». На обороте каранда-

шом написан адрес: «Под Новинским у Кудрина д. Хвоцинской на задах. Кварт. Давыдовой».

В том же 1871 году Прокунин, по совету П. И. Чайковского⁹, отправляется в Моршанский уезд Тамбовской губернии для записи народных песен [Рабинович 2003, 72]. По возвращении в Москву он начинает гармонизацию песен и подготовку их к публикации¹⁰. Рассуждая о характере совместной работы Чайковского и Прокунина над сборником, Б. И. Рабинович пишет: «Работа, шедшая под наблюдением Чайковского, подвигалась быстро, и уже весной 1872 года первый выпуск сборника “Русские народные песни, собранные и переложенные Прокуниным под редакцию профессора П. Чайковского” прошел цензуру. Через год, летом 1873 года, вышел второй выпуск сборника¹¹. Под редакцией, вероятно, следует понимать общее направление сборника, редакционные принципы и т. п.» [Там же].

Чайковский высоко ценил сборник Прокунина и ставил его на второе место после сборника М. А. Балакирева (1866). Так, в письме к Л. Н. Толстому от 24 декабря 1876 г., композитор замечает, что при публикации «необходимо, чтобы песнь была записана насколько возможно согласно с тем, как ее исполняют в народе. Это необычайно трудная вещь и требует самого тонкого музыкального чувства и большой музыкально-исторической эрудиции. Кроме Балакирева и отчасти Прокунина, я не знаю ни одного человека, сумевшего быть на высоте своей задачи» [Чайковский 1961, 100—101].

В. М. Беляев отмечает, что издание Прокунина «относится к новому типу сборников песен, записанных *непосредственно от крестьян* на местах бы-

⁹ Как отмечает Н. М. Лопатин в предисловии к сборнику 1889 г.

¹⁰ В архиве ВМОМК хранится копия рукописи 16 песен из первого выпуска сборника Прокунина, сделанная рукой К. К. Альбрехта и с пометками Чайковского [Ф. 88. № 150].

¹¹ С ошибочным указанием на титуле инициала Прокунина: «Русские народные песни, собранные и переложенные Н. Прокуниным под редакцию профессора П. Чайковского».

тования этих песен» [Беляев 1956, 5]. Н. М. Лопатин особо подчеркивает, что сборником Прокунина «более или менее исчерпывается песенный запас двух сел Моршанского уезда — Сосновки и Кулеватова» [Лопатин—Прокунин 1956, 75]. Причем, вероятно, «записей у Прокунина было значительно больше, чем 65, вошедших в сборник» [Рабинович 2003, 72].

С. Л. Толстой пишет о сборнике Прокунина: «Для оценки гармонизации Прокунина надо помнить, что тогда Прокунину было всего только 24 года от роду, и что в то время Мельгунов, Пальчиков и другие еще не установили особенностей многоголосия русской песни». И продолжает: «Может быть, гармонизации первого сборника Прокунина не удовлетворили бы современного знатока русской песни. Но для своего времени обработка Прокунина, особенно в сравнении с гармонизациями Вильбоа и Дюбюка, с одной стороны, и гармонизациями Римского-Корсакова — с другой стороны, несомненно, была шагом вперед» [Толстой 1926, 75].

Б. В. Асафьев тоже необычайно высоко оценивает гармонизации Прокунина: «Напевы песен поддержаны в сопровождении типичными для эпохи интонациями городских мещанских романса и песни, а также интонациями уличного фольклора. Это, так сказать, тип реалистической гармонизации, по всей вероятности интуитивно найденной. Тут нет искусственности, нет нарочитого желания подделаться под деревенские интонации, вообще нет приспособления. Просто: песня дана в сфере звучания городского фольклора эпохи. Этой своей документальностью и ценен этот сборник» [Асафьев 1930, 112].

А вот как писал о сборнике Прокунина его младший современник и ученик, А. Б. Гольденвейзер: «Выросший в деревне в те времена, когда старые русские песни еще не были вытеснены частушками, как это случилось почти повсеместно теперь, В. П. с детства своим музыкальным ухом впитал в себя самый дух народной песни. Поэтому в его записях и не чувствуется того чуждого народной песне элемента гармонической изысканности, которым так часто

грешат даже наши наиболее известные составители сборников» [Гольденвейзер 1910].

Большой интерес представляет рецензия на сборник Прокунина, написанная Ц. А. Кюи и содержащая как хвалебные, так и критические замечания:

«Русские народные песни» для одного голоса с сопровождением фортепиано, собранные и переложенные Прокуниным под редакцией профессора Чайковского. Москва, у Юргенсона. Сборник этот весьма замечателен по превосходному выбору песен; в этом отношении он должен занимать первое место после сборника г. Балакирева. Всех народных песен в нем 33, из них слабых чрезвычайно мало, и все они принадлежат к новому, более нам близкому времени, в чем легко убеждает их текст. В самом деле, в одной из них (№ 10) говорится об «Императоре» и об «Аршаве»; в другой (№ 24) о «губернаторе» и «гербовой бумаге»; в третьей (№ 29) о «Васильевском острове» и «Неве-реке»; в четвертой, чрезвычайно плохой (№ 30), о «часах» и «атласной жилетке». При таких несомненных признаках их современности, при отпечатке творчества не народного, а фабричного, индивидуального, с гармоникой в руках, удивительно, что г. Прокунин записал их и издал, тем более что несчастные эти четыре песни очень уж резко отличаются от остальных, большею частью превосходных, в которых так роскошно проявляется вся сила народного гения. Сколько в этих песнях грации (№ 4, 16), светлого веселья (№ 5), бойкости с примесью юмора (№ 7, 23, 31), искреннего чувства (№ 11), прелести (№ 13), изумительной оригинальности мелодической и ритмической (№ 19, 20)! Кроме того, замечательно, что та же самая фраза в песне никогда почти не повторяется без изменения (№ 1, 11, 13), а с некоторыми переменами, лучше которых не придумал бы самый опытный и ученый композитор; замечательно, что в песнях, поющих в два голоса (№ 19, 32), голосоведение почти всегда правильно, всегда красиво и оригинально.

Гармонизованы эти песни г. Прокуниным толково, но не талантливо. Гар-

монизации некоторых песен удалась (№ 18, 19, 25), в других находим некрайности и промахи, доходящие до затемнения (№ 3) и искажения смысла песни. Так, смысл песни № 9 с гармонизацией г. Прокунина мало понятен; между тем он делается совершенно ясным, если эту песню повести в h-moll, а не в D-dur. Кроме того, песни три неправильно записаны. Отличнейшая песня № 20 очевидно C-dur'ная, а между тем в ключе без всякой причины поставлен один диес. Песни № 2 и 13 записаны частью в s, частью в $\frac{2}{4}$, между тем как несравненно лучше было обе их записать в s, оно и проще, и вернее, потому что тогда слоги с ударением придутся на сильном ударе такта (в «Сборнике» на слабом: № 13, в слове «широкой» слог *po*), а слоги без ударения на слабом (в «Сборнике» обратно: в № 13, в том же слове «широкой», при разделении на такты г. Прокунина, ударение падает на слоги *ши* и *кой*), так что народ оказывается несравненно лучшим и более тонким декламатором, чем г. Прокунин. Несмотря на эти недостатки, еще раз повторю, что это сборник весьма замечательный... по превосходному выбору песен; в нем наши композиторы найдут много прекрасного материала, достойного талантливой разработки. Издание «Сборника» превосходно, при значительной дешевизне (1,75). Опечаток очень мало; из них укажу только на одну крупную: в песне № 18 такты 9 и 10 не отделены друг от друга чертой, что может поставить читателя в недоумение: два ли это такта, или вместо одноязычных должны быть двоеязычные» [Кюи 1873, 2].

Новизна сборника Прокунина заключалась прежде всего в том, что 5 песен в нем были представлены в двухголосном изложении, причем в трех из них, по словам Н. М. Лопатина, собиратель «сохранил всю своеобразность народной вторы, что впервые появилось в нашей нотной литературе» [Лопатин, Прокунин 1956, 75]. При этом Лопатин высказывает несколько критических соображений относительно жанрового состава сборника, а также публикации песенных текстов: «В отношении текста сборник имеет тот же недостаток, как и Балакирева: расставить слова песен по напеву часто представляется почти не-

возможным, потому что текст записан, по общепринятой системе, не буквально, а обыкновенным стихом и часто с пересказу певца, а не под его пение. Кроме того, сборник расположен без системы в противоположность сборнику Балакирева, и рядом с старинными песнями в нем попадают песни сомнительного происхождения, с характером новомодных» [Там же].

Впоследствии сборник был переиздан¹² под иным названием и с ошибкой в имени автора: «Н. Прокунин. 65 русских народных песен для голоса с фортепиано (П. Чайковский)» в 1881 г. и, позднее, в 1928 г.

Прокунин и Чайковский. Размышляя о совместной работе Чайковского и Прокунина над сборником, Б. И. Рабинович замечает, что «контакты Чайковского с Прокуниным не прекратились с уходом последнего из консерватории»: «Последние из документированных встречи Чайковского и Прокунина прошли в Москве в январе 1887 года, но, к сожалению, волею судьбы состоялись при крайне неблагоприятных условиях. Чайковский был переутомлен московской постановкой “Черевичек”, которой сам дирижировал. К тому же за два дня до встречи с Прокуниным он получил известие о трагической смерти своей старшей племянницы Т. Л. Давыдовой. Исключительно этими двумя факторами объясняется раздраженная запись в дневнике 22 января 1887 года: “Прокунин. Измучил меня своей дрянностью и <нрзб.> своими подлосками. Насилу отделался”. Тем не менее, на 25 января была назначена следующая встреча, не состоявшаяся по неизвестным причинам» [Рабинович 2003, 72–73].

В архиве ГДМЧ в Клину сохранились два послания Прокунина Чайковскому. Одно из них — краткая недатированная записка на визитной карточке В. П. Прокунина, в которой, возможно, речь идет о совместном с Лопатиным сборнике: «Многоуважаемый Петр

¹² Песни из сборника Прокунина использовали многие русские композиторы, в т. ч.: А. Гречанинов (опера «Добрыня Никитич»), И. Стравинский (балет «Жар-птица»), С. Танеев (симфония № 1), П. Чайковский (опера «Черевички», музыка к «Снегурочке», симфония № 1).

Ильич! Записочка, которую Вы были так любезны <нрзб.> написать, может заключаться в двух-трех словах и быть изложена в *форме записки ко мне*, в которой Вы сообщаете мне, что видели мой сборник и находите его интересным и могущим иметь успех; вот и всё. Готовый к услугам, Василий Павлович Прокунин. Записочку я прошу Вас написать к понедельнику, как мы с Вами условились. Я зайду за ней к Вам утром до 10 ч.» [ГДМЧ. а¹⁵ № 137].

Второй документ — письмо Прокунина от 25 января 1884 г.: «Многоуважаемый Петр Ильич! Я вчера заходил к Вам, но не имел удовольствия застать Вас дома, а так как то же самое может случиться и завтра, то я попросил бы Вас написать мне два-три словечка и оставить записку у Вашего швейцара, чтобы я знал, в котором часу будет в субботу назначенная генеральная репетиция “Мазепы”, а также куда я должен явиться, чтоб иметь возможность проникнуть в театральную залу. Надеюсь, впрочем, что я Вас застаю завтра утром дома, и Вам не будет надобности утруждать себя запиской.

Искренно преданный Вам, В. Прокунин.

Р. S. Так как я женат, а по церковному учению муж и жена составляют одно, то не найдете ли возможность устроить так, чтобы мне, отправляясь на генеральную репетицию, не пришлось нарушать церковного постановления? Т. е., другими словами, и жене моей доставить удовольствие услышать поскорее Вашу новую оперу» [ГДМЧ. а⁴ № 3679].

В середине 1870-х годов (в 1874–1875 гг., как указывает Г. А. Прокунина) Прокунин, по рекомендации Н. Г. Рубинштейна, якобы занимал должность хормейстера итальянской оперы в Одессе. Однако документальных подтверждений этой информации не обнаружено, и представляется весьма сомнительным, что ему удалось совмещать учебу в Московской консерватории с работой в одном из одесских театров.

Точно неизвестно, но, вероятно, в 1877 г. В. П. Прокунин окончил курс Московской консерватории [Вульфус 1979, 218]. Однако диплома не получил. Вот как объясняет это Г. А. Прокуни-

на: «Экзамен по композиции он держал у Губерта, всегда преследовавшего его за увлечение народным творчеством. Дипломная работа В. П., по-видимому, основанная на народных мелодиях, пришлась не по вкусу Губерту. Между Губертом и В. П. произошел резкий разговор, после чего В. П. сжег свою дипломную работу. Чайковский и Н. Рубинштейн не могли простить В. П., что он ее сжег, не показав им» [Прокунина].

Как сообщает Г. А. Прокунина, в 1877 г. «В. П. женился на Елизавете Иосифовне Станкевич, племяннице известного Николая Владимировича Станкевича. К сожалению, семейная обстановка не давала ему возможности творить. Жена не разделяла его увлечения народными песнями, не ценила его таланта. У него не было даже своего угла, где бы он мог творить» [Там же]¹³.

И снова обнаруживаем иную датировку в статье Толстого, сообщающего о семье В. П. Прокунина также следующие факты: «Василий Павлович был женат с 1878 г. на Елизавете Иосифовне Станкевич, пережившей его на 8 лет (она умерла в 1918 г.) и имел одного сына (яко уалеку, с недоразвитыми ногами) и трех дочерей: Любовь (незамужнюю), Юлию (Богородскую) и Екатерину (Рубан)» [Толстой].

По окончании консерватории Прокунин недолгое время преподавал в музыкальной школе Н. А. Муромцевой (ученицы Н. Рубинштейна), а затем, с 1890 по 1901 гг., в Московском Николаевском сиротском институте.

Прокунин и Гольденвейзер. Кроме того, Прокунин давал частные уроки и слыл в Москве хорошим педагогом. Так, в 1880-е гг. среди его учеников были С. Л. Толстой (теория музыки и гармония) и А. Б. Гольденвейзер¹⁴ (фор-

¹³ Неясно, насколько можно доверять этой, явно субъективной, характеристике домашней ситуации в семье Прокуниных.

¹⁴ В РГАЛИ хранятся ноты произведений Гольденвейзера с дарственными надписями и посвящением Прокунину: 9 романсов. Музыка А. Гольденвейзера. Ор. 1. Собственность издателя П. Юргенсона, 1901 г. «Дорогому учителю, Василию Павловичу Прокунину, от благодарного и любящего автора — ученика. Москва, 19/9 марта 1902 года»; «A monsieur V. Prokounine». Три пьесы для фортепиано А. Гольденвейзера. Ор. 3. П. Юргенсон,

тепиано). Оба сохранили с учителем дружеские отношения на долгие годы и впоследствии вспоминали, что на занятиях Прокунин старался знакомить их с образцами русского фольклора, исполняя на рояле свои гармонизации и импровизируя на темы народных мелодий. Так, С. Толстой писал: «Василий Павлович был внимательным и знающим учителем, добродушным, молчаливым и скромным человеком. <...> Кроме гармонии он знакомил меня с особенностями русской народной песни. Он указывал на отсутствие в великорусской песне гармонического минора и доминантаккорда, указывал на значение подголосков, на схождение голосов в унисон на сильных временах и т. п. <...> Иной раз Василий Павлович играл на фортепиано свои гармонизации русских песен. При этом он так увлекался, что нередко от гармонизации переходил к красивым импровизациям на темы песен» [Толстой 1926, 73—74].

Знакомство юного Саши Гольденвейзера с Прокуниным состоялось в 1883 г.: «Когда мальчику исполнилось восемь лет, семья переехала в Москву, где и начались его серьезные занятия музыкой с Василием Павловичем Прокуниным» [Гольденвейзер 1989, 5]. В своих воспоминаниях пианист посвятил первому педагогу немало теплых строк: «По приезде в Москву Александр Федорович Смирнов (брат нашей тетки) посоветовал моей матери обратиться к Василию Павловичу Прокунину — ученику Николая Григорьевича Рубинштейна, известному собирателю русских народных песен. (Первый сборник народных песен Прокунин издал совместно с Чайковским, а второй, уже на моей памяти — вместе с Лопатиным. Этот второй сборник до сих пор является одним из лучших сборников русских народных песен).

Мать повезла меня к Прокунину. Он жил тогда на Сивцевом Вражке во флигеле дома Крестовникова (дом этот уцелел до сих пор). Я сыграл ему один из этюдов Черни из 1-й тетради ор. 299

Москва. «Первые мои фортепианные пьесы — первому учителю, Василию Павловичу Прокунину от благодарного и любящего А. Гольденвейзера. 19/8 декабря 1902 г. Москва» [РГАЛИ. Ф. 2430. Оп. 1. Ед. хр. 161].

и какую-то (не помню — какую) часть одной из сонат Моцарта. Он согласился давать мне уроки, и я начал с ним заниматься. Эти уроки, с перерывом на лето, когда он уезжал в деревню (куда-то в Моршанский уезд), продолжались до весны 1889 года. <...> Весной 1889 года Прокунин повел меня в консерваторию. Это был как раз тот момент, когда Танеев передавал свое директорство Сафонову. Они приняли нас в кабинете оба. <...>

Василий Павлович был человеком необыкновенно крупных размеров. Высокого роста, тучного сложения, с огромной лысой головой, большими руками и ногами, он занимал своим телом исключительно много места. При этом он было добр и незлобив, как ребенок. Его ласковые голубые глаза светились чудесной, ясной добротой.

Вспоминаю о Прокунине одну характерную мелочь: однажды во время урока разразилась гроза. И вдруг я вижу, что мой огромный, богатырского роста Василий Павлович побледнел и стал сам не свой. Он не выдержал и попросил — нельзя ли зайти куда-нибудь в темную комнату. Я провел его в коридор, где он в обществе так же панически боявшейся грозы тети Саши простоял до окончания стихии.

Василий Павлович был страстный, но кажется, не всегда удачливый охотник. В семье, я знаю, ходили различные шуточные рассказы об его охотничьих похождениях. <...>

Я очень любил Василия Павловича. Знаю, что и он любил меня и гордился мною; и уже не занимаясь со мною, после моего поступления в консерваторию, он не забывал меня. Прокунин всегда бывал на моих концертах, приезжал меня поздравить в дни моего рождения и именин и приносил всегда в подарок какие-нибудь ноты. Я тоже изредка навещал его и пользовался его прекрасной библиотекой, особенно богатой оперными клавирами.

Василий Павлович занимался со мной с большим вниманием. Он воспитал во мне хороший музыкальный вкус. Прокунину я обязан знакомством и любовью к русской народной песне, с которой он был так тесно связан, и связь с которой оказала очень большое

воздействие на меня как композитора» [Гольденвейзер 2009, 178—180].

Из дневниковых записей Гольденвейзера следует, что его встречи и занятия с Прокуниным продолжались и после поступления в Московскую консерваторию: «2 января 1890, вторник. У нас был Василий Павлович, я ему играл, ему, кажется, понравилось. У меня совсем не идут гаммы и арпеджио, что я буду делать!?? Работать!» [Гольденвейзер 1995, 14].

Прокунин и Лопатин. В 1883 г. Прокунин совместно с Н. М. Лопатиным начал, а в конце 1885 г. окончил капитальный труд — «Сборник лирических русских песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина. Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания, — Н. М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано — В. П. Прокунина, и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву»¹⁵.

О творческом союзе Прокунина и Лопатина С. Л. Толстой пишет: «Через Николая Васильевича Давыдова Прокунин сблизился с семьей и кружком Лопатиных, а в частности с Николаем Михайловичем Лопатиным <...>. Прокунин был человек совсем другого характера, чем Лопатин, но они отлично дополняли друг друга. Насколько Лопатин был горяч, порывист и необуздан в своих увлечениях, настолько Прокунин был хладнокровен и медлителен. Они стали вдвоем записывать песни, для чего нередко вместе ездили в центральные губернии; Лопатин записывал текст, Прокунин — мелодию, причем Лопатин помогал ему напеванием песни. Плодом их совместной работы был известный «Сборник русских народных лирических песен»» [Толстой 1926, 73, 70].

Сборник был опубликован в 1889 г. и сразу оценен современниками: в рецензиях, опубликованных в журналах «Киевская Старина» и «Вестник Евро-

¹⁵ В архиве ВМОМК сохранился черновик Прокунина — нотная тетрадь с заглавием на первой странице: «Русская Песни собранные в 1884—1886 годах В. Прокуниным и Н. Лопатиным с присоединением нескольких песен записанных другими лицами» [Ф. 149, № 2].

пы» [Степович 1889, А. П. 1889], с воодушевлением приветствуется «новый путь, на который начинает вступать русская этнография» [Степович 1889, 461], а само издание называют «первой попыткой разобраться как-нибудь в огромном множестве собранного материала, дать ему известное объяснение, поставивши в связь с данными быта, распределить по категориям понятий, словом, внести стройность и порядок в хаос сырого материала» [Там же].

Выделяя сборник среди прочих публикаций того времени, Е. В. Гиппиус отмечает, что он «имеет свой особый профиль: это первый монографический сборник, целиком посвященный одному жанру», в котором «песни были впервые показаны в сопоставлении нескольких местных вариантов» [Гиппиус 2003, 99—100]. Сборник, как следует из заглавия, состоит из двух частей: литературной и музыкальной, выполненной Прокуниным.

Современники Прокунина рассматривали предисловие ко второй части сборника как «крупный труд по вопросу о гармонизировании народных песен, вопросу и поныне еще не вполне выясненному. <...> В труде этом, крайне важном в музыкально-этнографическом отношении, В. П. является глубоким знатоком и страстным любителем русской народной музыки, весьма удачно избегнувшим искусственного искажения народных мотивов» [А. С. 1910].

По оценке В. М. Беляева, «историко-теоретическое значение сборника связано с его второй частью, именно с обработками русских народных песенных мелодий Прокунина, представляющими собою важный этап в освоении склада русского народного многоголосия <...> и закономерностей его сложения» [Беляев 1956, 4]. «Прокунин <...> поставил себе задачу: “подражать хору” в фортепианном сопровождении хороших песен и “песням одиночным <...> придать сопровождение контрапунктическое”, “как более соответствующее” характеру и духу русской песни», если оно будет представлять собою “нечто вроде искусственного подголоска”» [Там же, 14].

Сам Прокунин так говорит о своих гармонизациях: «я решил держаться, до

некоторой степени, приема, указанного Мельгуновым в объяснениях, приложенных им к его сборнику, и состоящего в том, что лад и гармония песни должны быть выведены из записанных от хора подголосков, т. е. тех побочных мелодий, которыми поющие в хоре крестьяне сопровождают главную мелодию и которые весьма часто значительно разнятся от этой последней, хотя и сохраняют вполне ее характерные черты» [Лопатин, Прокунин 1956, 263]. А в одноголосных записях он прибегает к другому приему — к сочинению *искусственных подголосков*: «Сопровождающие основную мелодию голоса, или части их, я заимствовал иногда из других вариантов песни, а при сочинении искусственного подголоска старался, насколько возможно, подражать характеру и рисунку основного напева. Главной моей заботой тут было, <...> чтобы сочиненный мною искусственный подголосок <...> не затемнял как-нибудь основного напева и не искажал его характера» [Там же, 265—266].

По мнению С. Л. Толстого, «Прокунин выработал приемы гармонизации русской песни, которые после него признаны единственно правильными. Он не только ясно формулировал их, но и последовательно применил на практике» [Толстой 1926, 78].

Не менее высокую оценку работы Прокунина находим в статье П. А. Вульфуса: «Прокунин сумел в воссоздании облика народной песни найти ту меру строгости и гибкости, которая обеспечила его переложениям и достоверность, и художественную убедительность. Работа Прокунина не только оригинальна, серьезна и глубоко продумана <...>, она редкий пример удивительного равновесия знаний, интуиции и такта. Именно в этом смысле она в равной степени является достоянием и науки и искусства» [Вульфус 1979, 49].

Вторая (прокунинская) часть сборника переиздавалась в 1922, 1928 и 1931 годах, а сборник целиком — в 1956 г.

Вероятно, сотрудничество Прокунина с Лопатиным не ограничивалось совместной работой над сборником, а отношения их со временем приобрели характер крепкой дружбы и сохранялись долгие годы. Из воспоминаний

С. Л. Толстого мы узнаем, например, что они не раз музицировали вместе, и даже публично (несмотря на присущую Прокунину скромность: «Помню концерт, устроенный в 1885 году в доме А. И. Мамонтова, в Леонтьевском пер., в пользу Ивана Ивановича Лаврова, в то время оставившего сцену и нуждавшегося. Участвовали: хор Шекспировского кружка, Лопатин, в качестве сольного певца и запевалы, Прокунин, в качестве регента и аккомпаниатора, и сам Лавров. Исполнялись почти исключительно песни из сборника Прокунина и Лопатина. Концерт прошел с большим успехом и воодушевлением, и в следующем году был повторен» [Толстой 1926, 71].

В 1902 г. Прокунин стал художественным руководителем объединенного хора русской народной песни Мальцева и тогда же был избран членом Музыкально-этнографической комиссии при Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии. «В 1902 г. с ним случился удар, и в связи с болезнью Прокунин почти прекратил музыкальную деятельность и жил на скромную пенсию, выдаваемую ему за службу в Николаевском институте» [Прокунина].

Умер Прокунин 1 (14) мая 1910 г. в Москве. Краткое сообщение о смерти в несколько строк поместила «Русская музыкальная газета» (1910. № 20—21. С. 497—498), а развернутые некрологи были напечатаны в журнале «Рампа и жизнь» (тот же текст перепечатан в «Голосе Москвы» [А. С. 1910]) и в «Русских ведомостях» [Гольденвейзер 1910].

Ценность некрологов не только в том, что в них изложены основные факты биографии Прокунина-музыканта. Они также содержат отдельные штрихи к портрету Прокунина-человека: «В семье и кругу родственников и знакомых В. П. пользовался общей любовью и уважением. Его любили за то, что он сам любил горячо и беззаветно всех своих родных и друзей, а также и за его веселый характер. В. П. любил шутку, понимал и ценил ее. Уважали его за прямой, честный образ мыслей, стойкость убеждений и строгое отношение к взятым раз на себя задачам» [А. С. 1910].

А вот как характеризует личность 158 учителя и его музыкальные пристрастия

С. Л. Толстой: «Прокунин был скромный человек, тихого, спокойного нрава, большой доброты и нравственной чистоты. Так, например, несмотря на свои ограниченные средства, он нередко давал бесплатные уроки. В обыденной жизни он был непрактичен, но и нетребователен. Он не пил, в карты не играл и даже не курил. Скромность и застенчивость всегда мешали ему, как говорится, товар лицом показать. Он хорошо играл на фортепиано, но публично выступал только мальчиком, или впоследствии — в небольшом обществе, публичные выступления слишком волновали его. Музыку он страстно любил; из композиторов, кроме классиков, относился с особенной любовью к Чайковскому; одним из любимых его композиторов был также Григ» [Толстой 1926, 74].

Другой ученик Прокунина, А. Б. Гольденвейзер, вспоминает учителя с чувством глубокой признательности: «Как ни значителен след, оставленный В. П. музыкантом, еще большую память по себе оставил В. П. Прокунин как человек у близко знавших его и имевших счастье личного с ним общения. Это был человек исключительной доброты и чистоты душевной. И я думаю, все знавшие его близко согласятся со мною, что память о В. П. Прокуanine до конца дней останется для них одним из самых дорогих и светлых воспоминаний, одним из тех, которые дают бодрость в трудные минуты разочарования и душевной слабости. <...> Я, как бывший ученик В. П., от всей души приношу благодарность его светлой памяти за его труды над моим музыкальным развитием, но еще большую — за те нравственные уроки, которые я получил от общения с ним и о которых он сам, разумеется, и не подозревал. Теперь только, когда его уже нет, чувствую, в каком неоплаченном долгу я остался перед ним на всю жизнь...» [Гольденвейзер 1910].

Литература

А. П. 1889 — А. П. Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина. Две части. Москва, 1889. [Рецензия] // Вестник Европы. 1889. № 8. С. 858—861.

А. С. 1910 — А. С. [В. П. Прокунин. Не-
кролог] // *Голос Москвы*. 1910. № 100.

Асафьев 1930 — *Асафьев Б. В.* Русская
музыка от начала XIX столетия. М.; Л., 1930.
С. 112—114.

Беляев 1956 — *Беляев В. М.* «Сборник рус-
ских народных лирических песен» Н. М. Ло-
патина и В. П. Прокунина // *Лопатин Н. М.,
Прокунин В. П.* Русские народные лириче-
ские песни / под. ред. и с вступ. ст. В. Бе-
ляева. М., 1956. С. 3—28.

Вульфийус 1979 — *Вульфийус П. А.* К
истории музыкальной фольклористики //
*Русская мысль о музыкальном фольклоре:
Материалы и документы / вступ. ст., сост.,
коммент. П. А. Вульфийуса; предисл. Е. М. Ор-
ловой.* М., 1979. С. 10—72.

Гиппиус 2003 — *Гиппиус Е. В.* Обзор
важнейших сборников музыкальных записей
русских народных песен с 60-х годов XVIII
века до начала XX века // *Материалы и ста-
тьи к 100-летию со дня рождения Е. В. Гип-
пиуса / ред.-сост. Е. А. Дорохова, О. А. Па-
шина.* М., 2003. С. 59—111.

Гольденвейзер 1910 — *Гольденвейзер А.*
Памяти В. П. Прокунина // *Русские ведомо-
сти*. 1910. 19 мая. № 113. С. 5.

Гольденвейзер 1989 — *Музей-квартира
Александра Борисовича Гольденвейзера /*
сост. Е. И. Гольденвейзер, Л. И. Липкина.
М., 1989.

Гольденвейзер 1995 — *Гольденвейзер А. Б.*
Дневник. Первая тетрадь (1889—1904) / сост.
Е. И. Гольденвейзер, Л. И. Липкина. М.,
1995.

Гольденвейзер 2009 — *Гольденвейзер А. Б.*
Воспоминания. М., 2009.

Давыдов 1913 — *Давыдов Н. В.* Из про-
шлого. Ч. I. М., 1913.

Давыдов 1917 — *Давыдов Н. В.* Из про-
шлого. Ч. II. М., 1917.

Казьмина 2006 — *Казьмина Е. О.* Худо-
жественный мир тамбовских усадеб // *Му-
зыкальные страницы Тамбовского края.*
Тамбов, 2006.

Кюи 1873 — [*Кюи Ц.* Обзор муз. публи-
каций] // *Санкт-Петербургские ведомости*.
1873. 1 марта. № 59.

Лопатин, Прокунин 1956 — *Лопатин Н. М.,
Прокунин В. П.* Русские народные лириче-
ские песни: Опыт систематического свода
лирических песен с объяснением вариантов
со стороны бытового и художественного их
содержания Н. М. Лопатина, с положением
песен для голоса и фортепиано В. П. Про-
кунина и с приложением полной расстанов-
ки слов некоторых вариантов по их напеву /
под. ред. и с вступ. ст. В. Беляева. М., 1956.

МЭС 1990 — *Музыкальный энциклопе-
дический словарь /* гл. ред. Г. В. Келдыш.
М., 1990.

Прокунина — *Прокунина Г. А.* Биография
Василия Павловича Прокунина. ВМОМК
им. М. И. Глинки. Ф. 149, № 9.

Рабинович 2003 — *Рабинович Б. И.* Мо-
сква и народная песня в творчестве Чайков-
ского // П. И. Чайковский. Забытое и новое:
Альманах. Вып. 2 / сост.: П. Е. Вайдман,
Г. И. Белонович. М., 2003. С. 67—74.

Силенок 1978 — *Силенок Л. Ю.* Проку-
нин Василий Павлович // *Музыкальная эн-
циклопедия.* М., 1978. Т. 4. Стб. 464—465.

Смирнов 2012 — *Смирнов Д. В.* История
русской музыкальной фольклористики. Об-
щество любителей естествознания, антропо-
логии и этнографии как музыкально-фоль-
клористический центр России второй поло-
вины XIX — начала XX века. Ч. 1: Деятель-
ность Этнографического отдела. 1867—1900.
М., 2012.

Степович 1889 — *Степович А.* Лопатин
Н. М. и Прокунин В. П. Сборник рус-
ских народных лирических песен. 2 части.
Часть 1 и 1-й выпуск второй части. Москва,
1889. [Рецензия] // *Киевская Старина.* Еже-
месячный исторический журнал. Год вось-
мой. Том XXVII. 1889. Ноябрь. С. 461—465.

Толстой 1926 — *Толстой С. Л. В.* Про-
кунин и Н. Лопатин. Их жизнь и труды //
Сборник работ Этнографической секции.
М., 1926. (Труды государственного институ-
та музыкальной науки. Вып. 1.) С. 68—82.

Толстой — *Толстой С. Л. В.* Прокунин
и Н. Лопатин. Их жизнь и труды. ВМОМК.
Ф. 249. № 160.

Чайковский 1961 — *Чайковский П. И.* Пол-
ное собрание сочинений. Т. 6: Литературные
произведения и переписка. М., 1961.

Сокращения

ВМОМК — Всероссийское музейное
объединение музыкальной культуры им.
М. И. Глинки (Москва).

ГДМЧ — Государственный дом-музей
П. И. Чайковского в Клину.

НИОР РГБ — Научно-исследователь-
ский отдел рукописей Российской государ-
ственной библиотеки (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный
архив литературы и искусства (Москва).

Summary. *The name of Vasily P. Prokunin is almost forgotten nowadays. Meanwhile, at the end of the 19th century he was well known as an outstanding folklorist, composer, pianist, and a music teacher. In the article the autor makes the first attempt to write his detailed biography based on the archive materials and the publications of the 1870—1900s.*

Key words: *Prokunin V., Tchaikovsky P., Russian folklore, folklorist, song collections.*